

В настоящей статье я коснусь вопроса о том, как на практике применялся в житийном жанре XII—XIII вв. тот канон агиографического стиля в изображении человека, который был в его наиболее существенных чертах определен И. П. Ереминым. Не захватывая все произведения житийного жанра XI—XIII вв., я попытаюсь оценить с точки зрения этого канона своего рода классические памятники — Житие Феодосия Печерского, сложенное Нестором, и те рассказы о «первых черноризцах печерских», часть которых приписывают тому же автору, но большинство которых было обработано уже в начале XIII в. Симоном — епископом Владимирским и Поликарпом — иноком Печерского монастыря. Все эти памятники были со временем объединены в сборник, получивший общее название «Патерик Печерский». Выбор этих образцов житийного жанра для характеристики своеобразного применения в них агиографического стиля поддерживается той высокой оценкой их литературного качества, какую дали им классики русской литературы и прежде всего Пушкин.

«Прелесть простоты и вымысла» — в этой краткой, но исчерпывающей характеристике рассказов Киево-Печерского патерика Пушкин¹⁴ назвал оба признака, определяющие художественное своеобразие этих рассказов. В истории русской литературы XII—XIII вв. они рассматриваются обычно как образцы агиографического жанра этого времени, связанного с переводными патеричными легендами, отмечается близость фантастики («вымысла») некоторых из них с народной сказкой, и этим ограничивается их жанровая характеристика. Между тем пушкинское определение заставляет задуматься над вопросом, в чем же «простота и вымысел» рассказов о первых киево-печерских черноризцах, насколько эти рассказы подходят под тот «агиографический» канон, который к XII в. в русской литературе вполне сложился и даже, как выше указано, освоен был не одними агиографами, проник в некоторые летописные повести, в княжеские некрологи, а отдельными своими чертами и в документальные летописные рассказы.¹⁵ То внимание, с каким не только Пушкин, но и позднее великие мастера русской прозы — Лесков и Л. Толстой — относились именно к некоторым агиографическим рассказам-легендам, выдвигает перед нами и другой вопрос: какое место занимают эти рассказы, в первую очередь старшие образцы их — легенды Киево-Печерского патерика, в истории развития прозы феодального периода?

2

Обращаясь к классическому образцу житийного жанра начала XII в. — Житию Феодосия Печерского, написанному Нестором, мы видим, что основные требования агиографического стиля, предъявляемые к изображению действующих лиц и окружающей их обстановки, соблюдаются автором не с одинаковой последовательностью в разных частях повествования, что одной этой стилистической системой не исчерпываются художественные приемы Нестора даже при построении центрального образа.

Нестор описал жизнь Феодосия до пострижения значительно подробнее, чем этого требовал агиографический канон, и это дало ему возможность показать душевное развитие Феодосия в детские и юношеские годы, хотя по установленной агиографической схеме автор утверждает, что «дух святой измлада вселися» в ребенка и он рос «телом и духом влеком

¹⁴ Письмо П. А. Плетневу от 14 апреля 1831 г.: «...присоветуй ему (Жуковскому) читать Четь-Минею, особенно легенды о киевских чудотворцах; прелесть простоты и вымысла!». — А. С. Пушкин. Сочинения, т. X. М.—Л., 1949, стр. 347.

¹⁵ И. П. Еремин. Киевская летопись, стр. 82—97.